

меченная С. К. Шамбинаго,⁵ но и близость самых образов героев способствовала тому, что автор «Повести о зачале Москвы» перенес хронографический рассказ о заговоре против Фоки целиком в повествование о гибели князя Андрея, умолчав о политической причине убийства.

В статье «Сказания о начале Москвы» М. Н. Тихомиров указывает новый источник памятника. По мнению М. Н. Тихомирова, в основу «Повести о зачале Москвы», помимо предания о боярине Кучке, легли суздальские сказания, подобные заключающимся в сборнике Барсовского собрания № 1473 (ГИМ).⁶

Наблюдения С. К. Шамбинаго и М. Н. Тихомирова над текстом рассматриваемой «Повести» интересны и заслуживают полного внимания, однако сложение «Повести» представляется нам несколько иным.

Прежде всего отметим следующее. Помимо рассказа Хроники Константина Манассии, известного в переводе под названием «Царство Никифора Фоки», как нам удалось установить, на «Повесть» повлиял и другой рассказ той же Хроники, озаглавленный в переводе «Царство Левкия Таркиния». Обращение к нему было вызвано желанием автора «Повести» приравнять Москву — третий Рим к первому по поводу пролития крови при их основании. Этот рассказ Хроники повлиял на тот отрывок изучаемой «Повести», в котором идет речь о знамени при основании Капитолия в Риме. Это наглядно обнаруживается при сравнении:

Перевод Хроники
Константина Манассии

«Повесть о зачале Москвы»

Сему церковь в Риме восхотевшу здати и ров копающе обретоша главу внове заклана человека и кров нову и теплу точашу и лице являюще прилично к живым, еже увидев Енѣтинирне искусный и знаменем смотритель и рече, яко град сей глава многим языком будет, но по времени и по заклании и пролитии многих кровей.⁷

Первому бо Риму, зиждему от Рома и Ромила. И егда начаша Капетелнон здати и ров копающе, обретоша главу внове закланна человека нову и теплу кровь точашу и лице являюще к живым прилично. Ея же увидев ентинарни искусный знамением смотритель и рече, яко сей град глава будет многим, но по времени и по заклании, и по пролитии кровей многих.

Сличение отрывка «Повести» о закладке Капитолия в Риме с соответствующим местом перевода Хроники Манассии убеждает, что заимствование шло из русского извода этой Хроники, представленного на русской почве в Хронографе 1512 г. (или первой редакции Хронографа, по терминологии А. Попова), нашедшего отражение, в частности, в Никоновской летописи.⁸

⁵ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 75.

⁶ М. Н. Тихомиров. Сказания о начале Москвы. — ИЗ, т. 32. Изд. АН СССР. М.—Л., 1952, стр. 235—236.

⁷ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 227. — Отрывок «Повести о зачале Москвы» приводится по списку ГИМ, собр. Синод библ., № 964.

⁸ Хроника Константина Манассии известна лишь в славянском переводе. Древнерусские списки этой Хроники пока не обнаружены (см.: Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2, М., 1869, стр. 6—7; В. Истрин. Хронографы в русской литературе. — Византийский временник, т. V, СПб., 1898, в. 1—2, стр. 131—152; Miloš Weingart. Byzantské kroniky v literaturě církevně-slovanské. Přehled a rozbor filologický. Část 1. Bratislavě, 1922, стр. 160—236, а также рецензия на нее: В. Розов, Г. Вернадский. Slavia, R. III, s. 2. а 3, 1924, стр. 474—486; Henri Boissin. La traduction moyenbulgare de la Chronique de Manassès. — Revue des études slaves, t. 22. Paris, 1946, стр. 180—188 и др.). Когда мы говорим о переводе этой Хроники и ссылаемся при этом на Хронограф 1512 г., то имеем в виду, что Хронограф 1512 г. представляет русский извод этой Хроники в извлечениях. Собиратель Хронографа 1512 г. пользовался при его составлении славянским переводом Хроники Манассии